Ант. ЛАДИНСКІЙ

Стихи о Европѣ

Парижъ
MCMXXXVII

Ант. ЛАДИНСКІЙ

Стихи о Европѣ

Парижъ
MCMXXXVII

Стихи о Европѣ

ПОХИЩЕНІЕ ЕВРОПЫ

1.

Европа, ты зябкимъ и сирымъ
Летишь голубкомъ, но — куда?
Съ непрочнымъ и призрачнымъ міромъ
Прощаешься ты навсегда.

На фонѣ большого заката
Уходитъ корабль въ океанъ.
Вотъ за воркованье расплата,
За музыку и за туманъ!

Ты руки ломаешь отъ горя,
Но быкъ увлекаетъ тебя
Въ предѣлы печальнаго моря,
О легкой побѣдѣ трубя. . .

2.

Ты думала только о хлѣбѣ,
А мы все гадали вдвоемъ,
Гдѣ кончится счастье: на небѣ
Иль, можетъ, въ аду ледяномъ?

И страшной дороги не зная,
Ты смотришь сквозь слезы: вотъ-вотъ,
То Африка дѣтскаго рая,
То скалы Гренландіи, ледъ.

Жаль бросить бѣглянкѣ амбары,
Овецъ, виноградники, садъ
И ферму, гдѣ жмутъ сыровары
Сыры, и коровы мычатъ,

И видъ изъ окошка привычный
На поле, на рощу дубовъ,
На скучный и меланхоличный
Пейзажъ европейскихъ холмовъ.

Но въ паръ превратилось дыханье,
Посыпали землю снѣжкомъ,
И роза — цвѣтокъ разставанья —
Вдругъ стала морознымъ цвѣткомъ. . .

3.

Не зная причины — томиться.
Не слыша отвѣта — взывать.
Въ далекое небо ломиться
И о невозможномъ вздыхать. . .

Такъ Лермонтовъ въ узкомъ мундирѣ
Взывалъ, задыхался отъ слезъ.
Такъ ангелъ летѣлъ и въ эфирѣ
Въ объятіяхъ душу къ намъ несъ.

Все было печальной ошибкой,
Мы пали въ неравномъ бою,
И бѣдную лиру съ улыбкой
Я страшнымъ вѣкамъ отдаю.

Какъ воздухъ вокругъ леденѣетъ!
Какъ холодно! Это — зима.
А пѣть соловей не умѣетъ,
Когда за окошкомъ зима.

4.

Вотъ міръ отплываетъ, какъ льдина.
И гибели — кучкой зѣвакъ —
Мы машемъ платками: картина
Достойная слезъ какъ—никакъ.

Мы машемъ и машемъ платками.
Въ полярную пропасть несетъ
Мой домикъ съ большими дворцами.
Европа, Европа, гдѣ — лотъ?

Снимаются съ якоря горы,
Деревья, дома и гробы,
Какъ мачты, подъ этимъ напоромъ
Трепещутъ и гнутся дубы.

Мы тяжесть высокой разлуки
Едва ли снесемъ свысока:
Мы видимъ — прелестныя руки
Обвили за шею быка

1932.

ЭЛЕГІЯ

Я съ горькой славой Рима
Судьбу твою сравнилъ.
Я ледяныя зимы
Палладѣ посвятилъ.

Наперекоръ сугробамъ
Тамъ выросъ міръ колоннъ,
Какъ странный лѣсъ за гробомъ,
Какъ непонятный сонъ.

И только голосъ лиры
Къ тебѣ изъ синевы,
И только городъ сирый
На берегахъ Невы,

И только слезы, слезы
Твоихъ небесныхъ глазъ,
Твои метаморфозы
И разставанья гласъ

1933

ШВЕЯ

Небесное синее зрѣнье
Швея надъ иглою слѣпитъ.
Въ томъ платьѣ ночномъ, какъ видѣнье,
Красавица балъ посѣтитъ.

Таковъ ужъ порядокъ на этой
Печальной и бѣдной землѣ:
Въ чернилахъ всѣ пальцы поэта,
У золушки руки въ золѣ.

Красотка стучитъ каблучками
На скользкомъ полу восковомъ,
Сапожникъ разводитъ руками
Надъ бѣднымъ твоимъ башмачкомъ.

Не плачь — все превратно и тлѣнно
Въ шумихѣ земной чепухи,
Кончается балъ неизмѣнно,
Забудутся рифмы, стихи.

Не все ли равно, въ этой драмѣ
Какую играемъ мы роль:
Оплаканы предъ небесами
Сапожникъ и датскій король

Истлѣетъ прелестное платье.
Увянеть румянецъ. Глаза
Ослѣпнутъ въ могилѣ. Объятье
Утихнетъ, какъ въ небѣ гроза.

1932

ОНА

Со вздохомъ онъ цѣлуетъ руку
Она сквозь слезы вдаль глядитъ —
На небо, на любовь на скуку,
И ничего не говоритъ.

А сверху нѣкій театральный
Волшебникъ сыплетъ не спѣша
Бумажки — бѣлый цвѣтъ миндальный
Порхаетъ бѣдная душа

Въ туманномъ мірѣ воркованья,
Преображенномъ впопыхахъ
Подъ музыку, подъ восклицанья,
Подъ арію о «двухъ сердцахъ».

Но тучный господинъ во фракѣ
Ее въ медвѣжьихъ лапахъ мнетъ,
Такую тонкую. Во мракѣ
Автомобиль глазастый ждетъ.

Мерещатся ей замки, залы,
Поклонникъ — кошелекъ и фракъ
А юноши-то цѣловали
Ей маленькую руку. . .

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЗИМА

Зима съ умиленьемъ
Безмолвныхъ холмовъ.
Съ послѣднимъ паденьемъ
Дубовыхъ листковъ.

Надъ сельскою прозой
Сіяла зима,
Надъ райскою розой
Чья гибель — чума.

Надъ Римомъ, надъ бурной
Струей ручейка,
Надъ хижиной курной —
Жильемъ бѣдняка.

Средъ мраморной стужи
Музейныхъ колоннъ
О шерсти верблюжьей
Вздыхалъ Аполлонъ.

Шелъ путникъ. Мечтаньемъ
Себя утѣшалъ
И пальцы дыханьемъ
Въ пути согрѣвалъ.

ПО НЕБУ ПОЛУНОЧИ...

1.

Все та же скука міра —
Пустая мишура,
И холодокъ эфира
На кончикѣ пера.

Скучны земныя дѣвы
Подъ музыку баловъ,
И райскіе напѣвы
Для нихъ — невнятный зовъ.

И только бѣлый парусъ
На морѣ голубомъ...
И только первый ярусъ
Въ театрѣ городскомъ.

Все холоднѣй и строже,
Надъ скукой міровой,
Сіяли въ черной ложѣ
Глаза Лопухиной.

2.

Кто знаетъ — житель рая —
О чемъ въ полночный часъ
Онъ думалъ, не смыкая
Надъ рукописью глазъ,

Когда сквозь сонъ кричали
Въ аулахъ пѣтухи,
И въ Пятигорскѣ спали
Средь сонной чепухи?

Спасибо вамъ средь тѣсныхъ
Ущелій за намекъ:
За нѣсколько небесныхъ
И непонятныхъ строкъ,

Которыхъ въ будняхъ міра
Нельзя читать безъ слезъ,
Какъ ангелъ изъ эфира
Въ объятьяхъ душу несъ,

Какъ средь земного бала
У чернаго окна
Томилась и вздыхала
И плакала она.

1934

Достойнѣе нѣтъ для поэта
Одежды, чѣмъ дырявый плащъ —
Накидка голубого цвѣта
Среди зимы, вѣтровъ и чащъ.

Онъ въ этой легкой пелеринѣ
Немного зябнетъ на вѣтру,
На міровой огромной льдинѣ
Его знобитъ въ большомъ жару.

Но даже въ холодѣ хрустальномъ
Онъ всѣхъ на небеса зоветъ
И съ міромъ грубымъ и реальнымъ
Сражается, чернила льетъ

Такъ съ мельницами Донъ-Кихоты
Сражались въ пламени страстей,
И вѣтеръ отъ круговорота
Ревѣлъ средь мельничныхъ снастей.

А Санхо-Панчо въ страшномъ мірѣ,
За рыцаремъ во всей красѣ,
Труся, мечтали о трактирѣ,
О выпивкѣ и колбасѣ.

1933

Сквозь слезы, Офелія, ты умирала
И въ комнатѣ бѣлой потомъ догорала.

Какъ всѣ: со слезами, съ мечтами о раѣ,
Въ отчаяньи руки надъ бездной ломая.

Такъ роль приближалась къ закату финала.
И лебеди плыли по глади канала.

И только афиша и мраморной урны
Прелестная форма напомнятъ средь курной

И суетной жизни о пламени тѣла
Въ которомъ, какъ ангелъ, душа леденѣла.

Прохожій, подумай о небѣ за тучей,
О женскихъ надеждахъ подъ ивой плакучей.

1933

ИЗЪ БИБЛІИ

Одно назначенье
Цвѣтку и пчелѣ —
Удѣлъ искупленья
На грѣшной землѣ.

И притча: — Жилъ нѣкій
Въ тѣ дни человѣкъ.
Молочныя рѣки
Текли, а у рѣкъ

Паслись въ изобильи
Стада по холмамъ,
И мельничныхъ крыльевъ
Не счесть было тамъ.

Шли къ башнямъ Багдада
Верблюды. Былъ домъ.
И гроздь винограда
Два мужа съ трудомъ...

Но сердце и въ шкурѣ
Воловьей, какъ дымъ.
Что сталось средь бури
Съ тѣмъ счастьемъ земнымъ?

Подохли верблюды.
Пропалъ виноградъ.
Погибъ отъ остуды
Оливковой садъ.

Домъ рухнулъ. Пожрала
Ячмень саранча.
И буря сорвала
Хламиду съ плеча.

Прикрывъ еле-еле
Нору тростникомъ,
И струпья на тѣлѣ
Скребя черепкомъ,

На кучѣ навоза
Онъ жалко вздыхалъ.
Божественнымъ грозамъ
Смиренно внималъ.

Душа моя, ты — чужестранка.
Съ твоей ли небесной гордыней
И жить на землѣ, какъ служанка,
Быть трудолюбивой рабыней?

Ты въ въ этомъ хозяйственномъ мірѣ
Чужая, какъ роза въ амбарѣ,
Тебя затолкали четыре
Стихіи на шумномъ базарѣ.

Подъ фермерскіе разговоры
Ты знаешь, что здѣсь мы въ темницѣ,
Что шорохъ деревьевъ и горы
Небесъ или тучность пшеницы

И весь этотъ міръ — только сцена,
Гдѣ мы кое-какъ разыграемъ
Коротенькій фарсъ и средь тлѣна
И прелести хрупкой растаемъ.

1933

Неполонъ міръ богатыхъ
Не долетитъ до нихъ
Ни пѣніе пернатыхъ,
Ни соловьиный стихъ,

Ни голосъ человѣка
О гибели средь горъ,
Ни гибельнаго вѣка
Высокій разговоръ.

Какъ жизненныхъ трагедій
Прекрасный воздухъ чистъ!
Онъ къ неприступной лэди
Несетъ дубовый листъ.

Кружится въ страшной бурѣ
Оторванный листокъ.
Обугленный въ лазури,
Онъ падаетъ у ногъ.

1933

ИСТОРІЯ СОЛДАТА

Служилъ, какъ надо,
Солдатъ Иванъ,
Краса парада
Подъ барабанъ.

Надежда въ мірѣ
Свинцовыхъ пчелъ
Всегда въ мундирѣ,
Всегда орелъ.

Онъ даже горы
Переходилъ,
Онъ мерзъ въ дозорахъ
И грязь мѣсилъ.

Спалъ подъ шинелью
И грызъ сухарь,
Для утѣшенья
Былъ другъ шинкарь.

А въ путь служивый
Клалъ въ свой мѣшокъ
Иглу, огниво
И табачекъ.

Таскалъ, какъ сивка,
Пуды, пуды.
Ему нашивка
За всѣ труды.

Что жизнь солдата?
Пошлютъ въ пикетъ
Или граната —
И вашихъ нѣтъ!

Лишь деревяжка,
Да глазъ въ бѣльмѣ,
Медаль, бумажка:
„Дано сіе“...

1934

О ДУШѢ

Дѣла и дѣлишки... Доходы.
За каждой ступенькой ступень.
И отдыхъ на лонѣ природы
Въ воскресный, чуть тепленькій, день.

Вѣдь вотъ, мы, какъ птицы на вѣткѣ,
Хлопочемъ и строимъ свой домъ,
А вечеромъ можно — въ газеткѣ —
Статейку объ этой... о томъ...

Еще она плачетъ и ищетъ.
И бьется на тѣсной землѣ...
Ну, словомъ духовная пища
Въ домашнемъ уютѣ, въ теплѣ.

А все-таки скажемъ, соборы,
Иль, какъ ее, музыка... Бахъ!
Возвышенные разговоры
О Богѣ: вся зала въ слезахъ?

Кому это нужно — паренье
И съ готикой смутный романъ?
Важнѣе здѣсь пищеваренье,
Спокойствіе, сонъ и карманъ.

Европа, когда въ часъ ненастья
Высокая гибель придетъ,
Тебя всѣ покинутъ въ несчастьѣ,
Спасая душонки средь водъ.

Такъ на безопасные мысы,
Съ героемъ судьбы не дѣля,
Бѣгутъ корабельныя крысы,
Съ печальнаго прочь корабля..

1934

Бездушныхъ розъ корзина.
Мѣха сибирскихъ чащъ.
Банкиръ и балерина.
Поэтъ. Дырявый плащъ.

Все той же вѣчной драмы
Круженье, какъ въ кольцѣ,
На той же сценѣ самой
Любовь и смерть въ концѣ.

Но ни за что на свѣтѣ
Не промѣняешь ты
Картонный міръ въ балетѣ
И воздухъ пустоты

И музыки печальной
Ручей изъ флейтныхъ дыръ
На грубый и реальный
Благополучный міръ.

1933

Голубое платье, какъ лира,
Шумѣвшее на балу.
И вещи иного міра —
Пара туфелекъ на полу.

И голосъ съ небесъ (изъ чернаго ада?)
Слышный едва-едва:
— О пожалуйста, о не надо...
Въ золотыхъ завиткахъ голова.

Но надъ сломанной куклой, какъ дѣти,
Люди плачутъ, не въ силахъ стерпѣть,
Что имъ лучше не жить на свѣтѣ,
Что имъ лучше вдвоемъ умереть.

1934

СТАТУЯ

Она въ музейной тишинѣ
И въ мраморномъ прекрасномъ снѣ.
Какъ улыбается она
Въ невѣроятномъ царствѣ сна.

Ей снится, можетъ быть, Паросъ
И молодой каменотесъ.
Навѣрное приснилось ей
Жилище мраморныхъ тѣней —

Каменоломенъ бѣлыхъ звонъ,
Ночная музыка колоннъ,
Гдѣ души мраморныя ждутъ
Когда улыбку имъ дадутъ.

Не надо спящую будить,
Въ міръ суетливый уводить,
Въ міръ бренныхъ и непрочныхъ стѣнъ,
Непоправимыхъ перемѣнъ.

1933

БОГИНѢ

Ты улыбаешься надменно
И попираешь пьедесталъ,
Божественно и неизмѣнно
Сіяя средь музейныхъ залъ.

Ты предоставила волненья,
Измѣнчивость и тлѣность тѣлъ —
Непрочнымъ формамъ разрушенья
И смертнымъ въ гибельный удѣлъ.

Веселый варваръ для издѣвки
Тебя на землю повалилъ,
Но пренебрегъ для толстой дѣвки
Холодной красотой могилъ.

Ты въ мусорной лежала ямѣ.
Ты улетала къ небесамъ,
Своими хладными устами
Все такъ же улыбаясь намъ.

Тысячелѣтья истекаютъ,
Скользятъ въ забвеніе вѣка.
Все такъ же воздухъ отстраняетъ
Твоя прекрасная рука.

1933

АННА БОЛЕЙНЪ

Чуть теплится совѣсть въ злодѣяхъ,
Въ тюремщикахъ и въ палачахъ:
Такая непрочная шея,
А только смятенье, не страхъ.

Кто Аннѣ откажетъ въ участьи?
Смотрѣть невозможно безъ слезъ
На Анну Болейнъ. И въ несчастьи,
Въ смятеніи — роза изъ розъ.

Ни жалобъ, ни женскихъ стенаній,
А только заплаканный взглядъ
Съ помоста на міръ разставаній,
На небо, гдѣ рай или адъ.

А Лондонъ въ туманѣ . . . абатства
И башни въ плющѣ . . . и вдали,
На Темзѣ, гдѣ шерсть и богатства,
Спятъ лебеди и корабли.

Но звтра подъ звонъ погребальный
Подниметъ корабль паруса.
Въ водѣ отразятся зеркальной
Всѣ лебеди и небеса.

Въ Остъ-Индію за приключеньемъ
Торговый корабль отплыветъ,
И лебедь прекраснымъ видѣнемъ
Подъ аркой моста проскользнетъ.

Придутъ бѣлокурыя дѣти
Кормить бѣлымъ хлѣбомъ его,
Но больше не будетъ на свѣтѣ
Ни Анны, ни слезъ, ничего...

1935

Не музыка, не балерина,
Не розовыя облака,
А горести блуднаго сына
И хижина изъ тростника.

О муза, въ восторгѣ летаній
Уже ты не будешь опять
Подъ аплодисменты собраній
Жестокое сердце плѣнять,

Какъ жница надъ божьей пшеницей,
Ты будешь прилежно, до слезъ,
Склоняться надъ каждой страницей,
И будетъ тяжелымъ твой возъ.

Міръ только туманнная смѣна
Трудовъ, декорацій, все дымъ:
Сегодня любовная тема,
Прелестныя руки и Римъ,

А завтра — разлука, могила,
Принцъ и свинопасъ — близнецы,
И вѣчность, какъ вѣтеръ Эсхилла,
Колеблетъ лачуги, дворцы...

1933

ДУБЪ

Всѣхъ плотниковъ, музъ, адмираловъ
Столѣтній свидѣтель и другъ.
Подобье тишайшихъ каналовъ,
Средь бури вскипающихъ вдругъ.

Богатсво метафоръ, сравненій:
Жестокой судьбы — съ топоромъ,
Большихъ корабельныхъ строеній —
Съ республикой, жизни — съ листкомъ.

Ты — первый въ томъ мірѣ зеленомъ
Деревьевъ, пространствъ, облаковъ,
Гдѣ молніи пахнутъ озономъ
И жаренымъ мясомъ орловъ.

Но путаются подъ ногами
Печальныхъ и важныхъ эпохъ
Дѣлишки людишекъ. А въ храмѣ
Звенитъ чепуха мѣдяковъ.

1934

Судьба поэта? — Не болѣ,
Какъ призрачный міръ стиховъ.
Немного лавровъ и соли
Въ похлебкѣ полубоговъ.

Она — по канату хожденье
Надъ площадью городской,
Опасный полетъ и паренье
Надъ шуткою площадной.

На площади ходятъ люди
И бутерброды ѣдятъ.
У всѣхъ волнуются груди,
Зѣваки наверхъ глядятъ.

За славу онъ по канату
Обязанъ ловко ходить,
И къ рифмѣ рифму за плату
Съ искусствомъ большимъ находить.

И только ангелъ за это
Не требуетъ ничего,
Хранитъ надъ бездной поэта
Поддерживаетъ его.

1934

Выходитъ на минуту человѣкъ,
А покидаетъ этотъ міръ навѣкъ.

Не возвращается онъ больше въ домъ,
Почивъ на улицѣ подъ колесомъ.

А вѣдь расчитывалъ онъ долго жить,
Надѣялся на счастье, можетъ быть.

Хотѣлъ устроить всѣ свои дѣла
Въ непрочномъ нашемъ мірѣ изъ стекла.

Пропалъ божественный расчетъ и взвѣсъ
Не оправдалъ онъ замысла небесъ.

Конечно, онъ дышалъ по мѣрѣ силъ
И даже надъ прекраснымъ слезы лилъ,

Но главнаго онъ сдѣлать не успѣлъ
Средь всякихъ маленькихъ ничтожныхъ дѣлъ.

1933

Какія мелкія страстишки
Волнуютъ бурями Парнасъ!
Какія тоненькія книжки
Въ несчастьяхъ утѣшаютъ насъ!

Какое это утѣшенье!
Но больше ничего вѣдь нѣтъ —
Ни музыки, ни упоенья,
Ни упоительныхъ побѣдъ.

Спроси разсудокъ о пареньи,
(Съ волненьемъ и ломаньемъ рукъ) —
О смерти, о недоумѣньи,
Съ которымъ мы глядимъ вокругъ...

Онъ славитъ мускулы, щетину,
Не терпитъ жалкой чепухи.
Въ редакціонную корзину
Слетаютъ съ жалобой стихи.

И все-таки болитъ, не спится.
Тревожно жить, мой милый братъ!
Міръ не стеклянная темница,
А совѣсть, нездоровье, адъ.

Чего-то въ мірѣ не хватаетъ
И въ музыкѣ чего-то нѣтъ.
Намъ успокоиться мѣшаетъ,
Закрыть глаза, прекрасный свѣтъ.

1934

Европа счастливыхъ
Амбаровъ и школъ
И трудолюбивыхъ
Какъ фермеры пчелъ.

Ты — шорохъ пшеницы
И запахъ сыровъ,
Страна черепицы,
Аббатствъ и воловъ.

Ты — соль въ разговорѣ
И бочки вина,
Амбаръ на запорѣ,
Надъ замкомъ луна.

Ты фейерверкъ мѣткій
Газетныхъ листковъ,
Фру-фру оперетки
И стукъ каблучковъ.

Ты — утромъ прогулка
Къ руинамъ въ плющѣ.
Румяная булка
И путникъ въ плащѣ.

1933

Не камень, а карточный домикъ,
Жилище для бабочекъ, тѣнь.
Но болѣе прочнаго дома
Намъ строить не хочется, лѣнь.

А буря дохнетъ на строенье,
На птичій нашъ переполохъ,
И даже не буря — дыханье
Любви или женщины вздохъ,

И карточный домикъ (постройка,
Висящая на волоскѣ)
Вдругъ рухнетъ за картою карта,
Какъ все, что стоитъ на пескѣ.

Захлопаютъ дѣти въ ладоши,
И тихо изъ міра преградъ,
Какъ черныя бабочки, души
На небо совсѣмъ улетятъ.

1934

ВЪ ДУБАХЪ

Изъ многихъ деревьевъ
Любимое — дубъ,
Въ часъ бури, средь молній
И ангельскихъ трубъ...
За лиственный шопотъ,
За форму листа.
До самаго неба
Его красота

Быть можетъ, то было
Въ суровомъ раю
Иль въ царствѣ гигантовъ,
Въ древлянскомъ краю —
Дубовыя рощи
Росли по холмамъ,
И жили олени
Прекрасные тамъ.

Звенѣли сѣкиры
Желѣзомъ кругомъ,
И строили мужи
Корабль или домъ.
И римская муза
Слетала съ небесъ
Въ глухія трущобы
Древлянскихъ древесъ.

Средь жалкихъ вздыханій
И робкихъ сердецъ
Ты — древо героевъ.
Твой житель — стрѣлецъ,
Ты — трудъ дровосѣка,
Мозолистыхъ рукъ.
Ты — міръ корабельный,
Всплывающій вдругъ.

Что ты? — Комочекъ праха.
Едва примѣтный вздохъ.
Въ когтяхъ судьбы и страха
За участь жалкихъ крохъ.

Что ты? — Пищеваренья
Безсмысленный процессъ.
Молекулы томленье,
Безъ Бога, безъ небесъ.

Что ты? — Воспоминанье
О райскахъ антраша.
Летящая въ зіянье
Безсмертная душа.

И ты сгніешь средь тлѣнья,
Красавица зеркалъ,
Подъ шопотъ восхищенья
Входящая на балъ.

И эти розы, руки —
Любовника трофей,
Лишь пища смертной скуки
И гробовыхъ червей.

Но намъ еще больнѣе
Тебя любить, въ слезахъ,
За плѣнъ, за тлѣнъ лилеи,
За жалобное «ахъ».

1935

Пустыхъ сердецъ прохлада
Страшнѣй суровыхъ зимъ.
Тогда оставить надо
Стихи, покинуть Римъ.

Все ускользаетъ странно —
Легчайшій дымъ побѣдъ,
Прелестный лебедь Анны,
Прельщавшій столько лѣтъ.

И вы, бѣглянки-музы,
Устали плакать вы
По сѣвернымъ медузамъ,
По пряникамъ Москвы.

А Блокъ? Въ странѣ сіяній
Уже не видно Васъ
Сквозь лѣсъ воспоминаній,
Статеекъ и прикрасъ.

Никакъ нельзя руками
Дыханья удержать.
Никакъ нельзя. . . Мы сами
Не въ силахъ устоять.

Душа вернется къ Богу
И музыка потомъ
Утихнетъ понемногу
Въ пространствѣ голубомъ.

1934

Какъ было бы скучно
Безъ адскихъ круговъ,
Безъ музъ неразлучныхъ,
Безъ слезъ, безъ стиховъ.

Безъ долгихъ — до свѣта —
Безсонницъ въ аду,
Безъ горечи этой
Свинцовой во рту.

Безъ музыки. Въ грѣшной
Любви безъ измѣнъ
И безъ неутѣшныхъ
Разлукъ, перемѣнъ.

Какъ страшно и скучно:
Сахары квартиръ
И благополучно
Построенный міръ...

Изъ мрамора пышный
Потомъ мавзолей
И надпись: — «Всевышній...
Міръ праху»... Елей.

Быть можетъ, и млечность
Эфира потомъ
И скучная вѣчностъ
Въ раю голубомъ.

1935

СЕРДЦЕ

Тебя, какъ ключикомъ часы,
Заводятъ маленькой надеждой —
И ты трепещешь средь росы,
Кузнечикъ, пойманный невѣждой.

Ты наполняешь теплый домъ
Біеньемъ, стукомъ, трепетаньемъ,
Стучишь по жилкѣ молоткомъ,
Мѣшаешься съ ночнымъ дыханьемъ.

Ты — заводного соловья
Пружинка звонкая стальная:
Покажутъ иву у ручья,
Луну или кусочекъ рая,

И ты поешь всю ночь потомъ,
Заводишь радостныя трели,
Подъ луннымъ ивовымъ кустомъ,
Закрывъ глаза, безъ всякой цѣли.

Но вотъ тебя ломаютъ вдругъ
Рукой разсѣянной небрежной.
Остановивъ воловъ и плугъ,
Снимаетъ шляпу пахарь нѣжный.

Какой искусный часовщикъ,
Поковырявъ въ нутрѣ въ тѣлесномъ,
Вновь заведетъ тебя на мигъ —
Механику любви въ небесномъ?

О, бѣдное! Зачѣмъ же ты
Такъ на землѣ печальной билось,
Зачѣмъ съ огромный высоты
Стекляннымъ шарикомъ разбилось?

1935

ЗИМА

Т. А.

Какъ странно на лужайкахъ идеальныхъ:
Идеи одуванчиковъ и травъ,
Прообразы кузнечиковъ печальныхъ,
Гербарій платоническихъ дубравъ.

Восходитъ солнце въ стужѣ электрона.
Сіяетъ въ Африкѣ морозный день,
И, какъ въ стихахъ у старика Скаррона,
Тѣнь лошади везетъ телѣги тѣнь.

Останься въ этомъ странномъ трудномъ мірѣ,
Гдѣ все звенитъ, гдѣ все въ „послѣдній разъ".
Пусть двѣ слезы, прозрачныя, какъ въ сырѣ,
Прольются изъ твоихъ огромныхъ глазъ.

Я первый былъ бы радъ теплу и крышѣ
И дыму, вьющемуся изъ трубы,
Но зимній климатъ намъ ниспосланъ свыше—
Никакъ нельзя мѣнять удѣлъ судьбы.

О, стыдно мнѣ подумать объ отелѣ,
О грѣлкѣ, о фуфайкѣ шерстяной,
О панталонахъ теплыхъ изъ фланели
Подъ юбочкой балетной неземной.

Пусть этотъ черный листъ, въ холодномъ храмѣ
Летящій въ прахъ, напомнитъ намъ о томъ,
Въ какой студеной и прекрасной драмѣ
Мы на землѣ средь зимнихъ бурь живемъ.

1935

Вижу потрясенный воздухъ,
Корабли, коней изъ бронзы,
И дубы средь синихъ молній.
Это — міръ, жилье героевъ.
А сравнишь съ величьемъ смерти:
Маленькіе все людишки
И ничтожныя душонки.
Можетъ быть, и ты — не слезы,
Не отчаянье, не гибель,
А красавица пустая,
Шумъ муара, птичій щебетъ...
Мы то думали — дыханье,
Музыка, печальный ангелъ,
Къ намъ слетѣвшій изъ лазури
Въ африканскій жаркій дансингъ!
Но — послѣдняя надежда,
Что и въ этомъ страшномъ мірѣ
Есть любовь до гроба, вѣрность,
А въ твоемъ прекрасномъ тѣлѣ
Спитъ душа и ждетъ безсмертья.

1935

Не Богъ, а жалкій червь. Комокъ навоза,
Вздыхающій о дальнихъ небесахъ.
Не небеса, а бочка водовоза,
Нелѣпая случайность, гибель, прахъ.

Влечетъ насъ кляча въ стужу ледяную,
Давя червя тяжелымъ колесомъ.
А вотъ поди-жъ, мы даже и такую
Безсмысленную жизнь блаженно пьемъ.

Ползетъ презрѣнный червь черезъ дорогу,
Съ трудомъ преодолѣвъ свой жалкій вѣсъ
Еще усиліе, еще немного!
Быть можетъ, доползешь и до небесъ.

Но не заслуживаетъ онъ презрѣнья,
Ползущій къ небу червь, несчастный братъ
Съ капустнаго листа въ стихотворенье
Попавшій, какъ изъ огорода въ садъ.

1935

СТИХИ О ЕВРОПѢ

1.

Небо все ниже, чернѣе.
Все безнадежнѣй игра.
Стихи, какъ свинецъ. Холоднѣе
Мрамора руки. Пора!

Въ игрѣ только черныя пики.
Карта Африки. Въ бамбукахъ
Тамъ-тамы. Львиные рыки.
Возстанія на островахъ.

Воздухъ полонъ тревоги,
Неточны рифмы, размѣръ.
И поздно говорить о Богѣ,
Когда рушится міръ.

2.

На свѣтломъ лицѣ Европы —
Улыбка, печальная тѣнь.
Летитъ загнанная антилопа,
Спасается въ чащахъ олень.

Прекрасной бѣлой рукою
Европа держитъ съ трудомъ
Копье, коней и Трою —
Свой тысячелѣтній домъ.

И страшно за участь дальнихъ
Ея кораблей и квадригъ,
За судьбы ея хрустальныхъ
Фонтановъ и книгъ.

Европа, средь птичьяго гама
Прекрасенъ твой черный закатъ:
Такъ только высокіе храмы
Средь бурь на вѣтру горятъ.

3.

Ты строила водопроводы,
Дороги, арки мостовъ
Подъ клики свободныхъ народовъ,
Подъ шумъ благородныхъ дубовъ.

Кто же средь римской скуки
Зналъ, что, вотъ, побѣгутъ
Легіоны! Что віадуки,
Какъ легкій сонъ, упадутъ!

Не кафры, не страшный шопотъ
Пальмъ и дубовъ, не страхъ,
Не ночь, не варварскій топотъ
На Елисейскихъ Поляхъ.

Страшнѣе: душа, сомнѣнья,
Жажда смерти, тоска.
Музъ заглушенное пѣнье,
Уставшая править рука.

4.

Тамъ-тамы бубнятъ отъ гнѣва.
Вращая бѣлками глазъ,
Шоколадная нѣжная дѣва
Въ джунгляхъ цѣлуетъ насъ.

Но воздухъ рая недвижимъ —
Въ райской черной странѣ,
Въ тиши тростниковыхъ хижинъ
Мы плачемъ, какъ дѣти, во снѣ

О голубоглазой Европѣ,
О мраморѣ стройныхъ колоннъ,
Съ глухой негритянской синкопой
Мѣшая арійскій пэонъ.

Неужели затрвленной лани
Никакъ не избѣгнуть пикъ?
Неужели средь завываній
Умолкнетъ тотъ сладкій языкъ,

На коемъ, сквозь вздохи и слезы,
Даже съ грубою буквою „ы“
Мы такіе стихи о розахъ
Писали во время чумы!..

Парижъ 1932.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ЧЕРНОЕ И ГОЛУБОЕ. I книга стиховъ
(Из-ство „Современныя Записки")

СѢВЕРНОЕ СЕРДЦЕ. II кн. стиховъ
(Из-ство „Парабола")

XV-ый ЛЕГIОНЪ Романъ
(Из-ство „Руская Книга")

„ПУТЕШЕСТВIЕ въ ПАЛЕСТИНУ"

Готовится къ печати

„ПЯТЬ ЧУВСТВЪ". IV книга стиховъ.

Типографія Я. П. Никишина
1, villa Chauvelot, PARIS XVe